

...и в то время, когда он был в плену, он был в плену...

...и в то время, когда он был в плену, он был в плену...

...и в то время, когда он был в плену, он был в плену...

...и в то время, когда он был в плену, он был в плену...

...и в то время, когда он был в плену, он был в плену...

ПОВЕСТЬ О БЛАГОРОДНОМ КОРОЛЕ АРТУРЕ, КАК ОН САМ СТАЛ ИМПЕРАТОРОМ, ЧЕРЕЗ ДОБЛЕСТЬ СВОИХ РУК

КАК ОН САМ СТАЛ ИМПЕРАТОРОМ

ЧЕРЕЗ ДОБЛЕСТЬ СВОИХ РУК

...и в то время, когда он был в плену, он был в плену...

V

КАК ДВЕНАДЦАТЬ СТАРЦЕВ-ПОСЛОВ
ИЗ РИМА ПРИБЫЛИ К КОРОЛЮ
АРТУРУ, ЧТОБЫ ПОТРЕБОВАТЬ ДА-
НИ

Chapter
I.

СЛУЧИЛОСЬ ТАК, когда ко-
роль Артур обвенчался с коро-
левой Гвиневерой и заполнил
все места за Круглым Столом,
и затем вместе со своими чудесными рыца-
рями победил почти всех своих врагов, а вско-
ре после того прибыл ко двору сэр Ланселот
Озерный, и сэр Тристрам приехал тоже, тог-
да король Артур устроил царский пир и
Круглый Стол.

И так случилось, что император Луций, про-
куратор государства Римского, прислал к
Артуру послов, дабы потребовали с него
дани, которую платили до него еще его пред-
ки. Когда услышал король Артур, с чем они
прибыли, он взглянул на них своими серыми
глазами и жестоко разгневался на послов
Луция. Затрепетали послы, бросились на ко-
лени и не смели подняться — так устршило
их его гневное лицо.

Затем сказал один из рыцарей посольства:

— Венчанный король, не причиняй обиды послам, ибо мы прибыли сюда по императорскому велению, как верные слуги.

И отвечал Завоеватель:

— Ты, жалкий и трусливый рыцарь, отчего убоялся ты моего взгляда? Здесь, в этой зале, есть многие, кому, во гневе, ты за целое герцогство не осмелился бы взглянуть в лицо.

— Сэр,— отвечал один из сенаторов,— помоги мне Христос, я так утрашился, когда взглянула тебе в лицо, что не имел духу пересказать тебе наше посольство.

Однако я все же намерен сказать тебе то, что мне поручено,— что Луций, император Рима, тебя приветствует и повелевает тебе под страхом кары отослать ему дань с этой земли, которую платил еще отец твой Утер Пендрагон, а иначе он отнимет у тебя все твои владения и королевства и ты будешь мятежник, не признающий своего сюзерена, ибо не приносишь и не платишь того, что причитается, и тем нарушаешь законы и установления, принятые славным и благородным Юлием Цезарем, Завоевателем этой страны.

— Хорошо сказано,— отвечал Артур.— Но несмотря на твои заносчивые речи, я не стану торопиться, и ты просидишь здесь с товарищами семь дней. Я же призову к себе на совет моих самых доверенных рыцарей, и герцогов, и вассальных королей, и графов, и баронов, и моих самых ученых мудрецов, и когда мы примем решение, вы получите от меня ясный ответ, какой я пожелаю дать.

А там были иные из молодых рыцарей, которые, услыша, о чем было то посольство, хотели наброситься на послов и зарубить их, ибо они сочли оскорблением для всех рыцарей, что с их королем так непочтительно говорили. Но король под страхом смерти запретил оспаривать послов и причинять им вред.

И повелел благородный король сэру Клегису позаботиться об устройстве послов и о том, чтобы у них было все лучшее, чтобы не было им недостатку в изысканных яствах и чтобы ни паж, ни конюх не задевали их и не вступали с ними в перебранку, ибо они все королевской крови.

— И хотя они оскорбили меня и мой двор, наша забота — не уронить нашей чести.

И так отвели их в богатые покои и подносили им щедро самые изысканные яства. И римляне тому весьма дивились.

Король же созвал к себе на совет своих благородных баронов и рыцарей, и собрались в высокой башне чуть ли не все рыцари Круглого Стола. И повелел король, чтобы каждый, по своему разумению, дал наилучший совет.

— Сэр,— сказал сэр Кадор Корнуэльский,— что до меня, то я не печалюсь этому посольству. Ведь мы уже давно на отдыхе. И я рад письму императора Луция, ибо теперь нам предстоит война и слава.

— Клянусь богом, я охотно верю,— сказал король,— что тебе, сэр Кадор, по душе это посольство. Но ведь нельзя же им так ответить, ибо их злобные речи язвили мое сердце. Эту дань Риму я платить никогда не

буду. И потому, ради Христа на небе, подавайте мне советы, мои благородные рыцари. Ибо вот что обнаружил я в хрониках этой страны: что предки мои сэр Белин и сэр Брин¹, рожденные в Британии, сто шестьдесят лет владели императорским престолом, а после них наш родич Константин, сын королевы Елены Английской, завоевал его и был императором Римским, и еще он добыл крест, на котором Христос принял смерть. Так что моему роду некогда принадлежала императорская корона, и у нас есть до вольно прав, чтобы притязать на всю Римскую империю.

КАК КОРОЛИ И ЛОРДЫ ОБЕЩАЛИ КОРОЛЮ АРТУРУ ПОДДЕРЖКУ И ПОМОЩЬ ПРОТИВ РИМЛЯН И тогда ответил Артуру король Ангвисанс:

— Сэр, тебе надлежит занять место надо всеми христианскими королями, по твоей рыцарской доблести и доброму разумению, никогда тебя не оставляющему. Шотландия никогда не терпела урону с тех пор, как ты коронован королем, а когда нами правили римляне, они грабили наших старейшин и губили наши жизни. И потому перед кроткой Марией и

Иисусом Христом я даю нынче клятву, что отомщу римлянам, и чтобы поддержать тебя в твоей войне, приведу тебе ярых бойцов общим числом в двадцать тысяч бывалых воинов. Я сам буду выплачивать им содержание за то, чтобы они отправились войной на римлян и их разбили. И будут они погружены на два корабля, готовые отплыть, куда ты ни повелишь им.

Затем сказал королю Артуру король Малой Британии²:

— Сэр, не задерживайте этих чужеземцев, дайте им достойный ответ, я же призову моих людей, и вы получите от меня тридцать тысяч воинов на моем жаловании и содержании.

— Это хорошо сказано,— сказал король Артур.

Затем говорил могущественный герцог, владыка Западного Уэльса:

— Сэр, я даю перед богом клятву отомстить римлянам, и отправить туда передовой отряд, и одержать победу над Римским воеводой. Ибо однажды, когда я шел на поклонение в Святую Землю через Понт-Тремолы, он находился в Тоскане и пленил моих рыцарей и взял с них непомерный выкуп. Тогда я пожаловался самому всемогущему папе римскому, но сподобился одних только любезных речей. Больше в Риме мне негде было искать заступничества, и я отправился в дальнейший путь, жестоко оскорбленный. Потому, ради отпущения, я соберу моих доблестных валлийцев и на моем жаловании приведу вам их тридцать тысяч.

Затем держали речь сэр Ивейн и сын его Идрис, близкие родичи Завоевателю и кузены. Они держали Ирландию, Аргалию и все Внешние острова.

— Сэр,— сказали они королю Артуру,— перед Христом богом даем мы клятву проехать по Ломбардии под стены Милана, а оттуда через Понт-Тремолы в долину Витербо и там добыть провиант нашим рыцарям.

А чтобы отомстить римлянам, мы даем тебе тридцать тысяч добрых воинов.

Затем вскочил юный Ланселот Озерный с легким сердцем и так сказал королю Артуру:

— Хотя мои владения соседствуют с землями твоих врагов, я все же клянусь по мере моих сил привести с собою добрых воинов из моего рода числом в двадцать тысяч шлемов, и они не подведут тебя, покуда живы. Тут и сэр Бодуин молвил с улыбкой королю:

— А я даю верную клятву привести с собою десять тысяч добрых воинов, которые не подведут, покуда живы.

— Благодарствуйте все, — сказал король, — благодарю вас от всего сердца. Сдается мне, когда дело будет сделано, римляне пожалуют о своем дерзком посольстве.

И вот по прошествии недели сенаторы стали просить у короля ответа.

— Хорошо, — сказал им король. — Передайте же своему императору, что я с моими горячими рыцарями, как смогу, поспешу и у реки, на которой стоит Рим, поставлю мой Круглый Стол. И приведу я с собой лучших бойцов из пятнадцати королевств, и с ними проеду по горам и долам к стенам гордого Милана, а сттуда — к Риму с благородными моими рыцарями. Вот вам мой ответ.

А теперь поспешайте отсюда, покиньте мой замок вон через те ворота, и даю вам семь дней на то, чтобы добраться до Сандуича. Поторопитесь же, мой вам совет, и не жалеете лошадей, да смотрите, скачите только по Уотлингской дороге и никуда не сворачивайте, и где ночь вас застанет, там и ночуйте, будь то селение или открытое поле, ибо не гоже чужеземцам ездить по нашим дорогам ночной порою. Если же кто из вас хоть на шаг уклонится в сторону и если через неделю вы не отплывете, никакому золоту на божьем свете не выкупить вас из плена.

— Сэр, — отвечали сенаторы, — это тяжкие условия. Мы просим у вас свободного проезда.

— Нет нужды, — сказал король, — вы под королевской защитой.

И тогда выехали они из Карлайля и пустились в путь к Сандуичу, и было у них на всю дорогу семь дней, сопровождал же их сэр Кадор. И сенаторы не жалели лошадей, от города к городу нанимали себе подставы и к закату седьмого дня прискакали в Сандуич — никогда еще не ездили они так поспешно.

В ту же ночь отплыли они из Англии и прибыли во Фландрию и Аллеманию, а оттуда через высокую гору Годард и через Ломбардию и Тоскану и скоро явились к императору Луцию и вручили ему письма короля Артура и рассказали о беспримерном его бесстрашии.

Император же Луций, прочтя те письма и узнав печати, едва не обезумел от ярости.

— Я полагаю, что Артур послушает вас и сам станет вам прислуживать в своей земле, ибо надлежит ему, равно как и любому христианскому королю, подчиняться всякому сенатору, посланному от моей персоны.

— Сэр, — отвечали сенаторы, — оставьте такие слова, ибо за то, что мы вернулись живыми, вечно должно нам благодарить бога. Во второй раз мы даже за все ваши бескрайние земли не отправились бы с таким посольством. А потому, верьте нашим словам, вы найдете в нем неукротимого врага и можете не искать с ним встречи, он сам прибудет сюда, не пройдет и полугодя, ибо он задумал сам сделаться императором. Он говорит, что вы заняли престол великой неправдой, а что ранее все его предки, кроме отца его Утера, сидели императорами в Риме. И изо всех монархов, каких мы видели на свете, он — самый великий король, ибо мы видели на Новый год за его Круглым Столом девятерых королей и наилучшую рыцарскую дружину, какая существует на земле, ибо они всем взяли: и мудростью, и красноречием, и доблестью, и богатством. А потому, сэр, наш совет таков: собирайте своих людей и шлите во все концы своих владений королей и герцогов за подмогой, да пусть крепко стерегут Аллеманские горные проходы.

— К пасхе, — сказал император, — я намерен вторгнуться в Аллеманию и оттуда во Францию и отобрать там его земли. Я приведу с собою генуэзских великанов, из коих один стоит ста рыцарей, а опасные проходы будут охраняться моими славными рыцарями.

И разослал император с посольствами своих старых и мудрых рыцарей — в Амбагию и Аррагию², и в Александрию, и в Индию, и в Германию, где протекает река Евфрат, и в Азию, и в Африку и Европу бескрайнюю, в Еретанию, Эламию и на Внешние Острова, в Аравию, в Египет, в Дамаск и в Дамиак — ко всем благородным герцогам и графам. И также к королю Кападокии, и к королю Тарса и Турции, Понтии и Памполии, и в земли пресвитера Иоанна⁴ и в Судан и Сирию. И от Нерона до Назарета, и от Греции до Галахии⁵, где сарацины были подданными Рима. И стали прибывать они в галеонах и галерах, и прибыл также король Кипра, и собрались греки в богатых облачениях, и с ними король Македонии, и короли и герцоги Калабрии и Каталонии, и король Португалии со многими тысячами испанцев.

Так собрались все короли и герцоги и благородные эмиры, всего шестнадцать монархов, и прибыли они в Рим и с ними людей без числа. Узнав об их прибытии, император повелел снаряжать всех своих благородных римлян и всех воинов от Рима до Фландрии. И еще взял он с собою пятьдесят великанов, от диаволов рожденных, их он оставил при своей персоне, дабы прорвать передние ряды Артурова войска, были же они так тяжелы, что кони не могли их носить. И вот со всем этим ужасным воинством двинулся Луций через Аллеманию, желая разорить земли Артура, которые тот со своими рыцарями завоевал в честном бою.

Прибыл Луций в Колонию, обложил там замок, захватил его в краткий срок и отдал своим сарацинам. И так в недолгом времени разорил Луций многие прекрасные земли, отвоеванные Артуром у могучего короля Клаудаса. Растянул Луций свое войско на шестьдесят миль, повелев всем сойтись к нему в Нормандию, в землю Константина.

— И там, в Барфлете, все вы меня поджидайте, а я покуда предаю разоренную герцогство Бретонское.

КАК КОРОЛЬ АРТУР СОЗВАЛ В ЙОРКЕ ПАРЛАМЕНТ И КАК ОН РАСПОРЯДИЛСЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ КОРОЛЕВСТВОМ В СВОЕ ОТСУТСТВ'Е. Мы же теперь оставим Луция и поведем речь о короле Артуре, который повелел всем своим подданным и вассалам после дня святого Гилария⁶ съехаться и устроить парламент в Йорке, внутри городских стен. И на том парламенте решено было забрать все суда в стране и через пятнадцать дней быть всем наготове в Сандуиче. — Сэры, — сказал Артур, — я задумал пройти путями войны и захватить императорский престол, который некогда принадлежал моим предкам. И об этом прошу вас высказывать ваши суждения, как велит вам честь.

Собрались на совет короли и рыцари, и решено было назначить двух правителей: сэра Бодуина Бретонского, рыцаря старого и доблестнейшего, — для совета и порядка, и сына сэра Кадора Корнуэльского, который звался Константином и стал королем после смерти Артура⁷. И вот в присутствии всех лордов король поручил им попечение о своем королевстве — этим двум баронам и королеве Гвиневере.

И еще сэр Тристрам остался с королем Марком Корнуэльским ради любви Прекрасной Изольды, отчего весьма разгневался сэр Ланселот.

Королева же Гвиневера очень убивалась из-за предстоящего отъезда короля и всех лордов и наконец упала без чувств, и тогда ее дамы отнесли ее в ее покой.

И вот король призвал на всех божье благословение и поручил свою королеву попечению сэра Константина и сэра Бодуина, а также и всю святую Англию, дабы правили по наилучшему своему разумению.

И когда король был уже на коне, так сказал он во всеуслышанье своим лордам:

— Если погибну я в этом походе, тебя, сэр Константин, объявляю я своим истинным наследником, ибо ты мой самый близкий родич, не считая отца твоего сэра Кадора, и потому, если я умру, я хочу, чтобы ты был коронован королем.

И тот же час пустился он со своими рыцарями в путь к Сандуичу, и там застали они на берегу почти всех рыцарей Круглого Стола готовыми к отплытию по воле короля.

И вот со всей возможной поспешностью погрузили они на корабли своих коней и латы и все снаряжение, потребное для войны, палатки, шатры, с кистями и без кистей, и отчалили от берега многие большие карраки и бревенчатые барки, и галеоны, и благородные спинеты, и галеры, и галеры⁸, со многими гребцами. И выплыли они на стрежень, многие сотни судов.

Далее следует сон короля Артура.

КАК КОРОЛЬ АРТУР ПОГРУЗИЛСЯ НА КОРАБЛИ. И КАК ЕМУ В КАБИНЕ ПРИВИДЕЛСЯ ДИВНЫЙ СОН, И КАК ЕГО ИСТОЛКОВАЛИ. И вот когда плыл король в своей барке, задремал он, и приснился ему сон, будто ужасный дракон потопил его людей, прилетев на крыльях с западной стороны. Голова того дракона была как бы крыта лазурной эмалью, плечи сияли золотом, а брюхо покрывала чешуя дивных цветов, хвост был изодран клоками, ноги же покрывал черный пух. А когти его были чистого золота, из глотки же изрыгалось ужасное пламя, так что и земля и вода полыхали огнем. Но тут, видится ему, появился с Востока на облаке страшный медведь, весь черный, и ноги как столбы. Весь он был покрыт спутанными космами, и ужаснее зверя не видывал человек. Он ревел и грозно рычал, так что дивно было слышать.

Вот обернулся к нему ужасный дракон, взвился по ветру, точно ястреб, и набросился на медведя. А свирепый медведь разит его страшными клыками, и вся его грудь и шея уже залиты кровью, и красная кровь разлита по морю. Вот отпрынул змей, снова взлетел к небесам и с силою обрушился сверху медведю на хребет и на холку, а было в том от головы до хвоста добрых десять футов. И когтит он медведя, и пламенем сжигает, так что осыпались пеплом плоть его и кости, и широко развеялся пепел по морским волнам.

Пробудился король, смущенный своим сновидением, и посылает он поспешно за мудрым философом и велит ему растолковать, что сей сон означает. — Сэр, — отвечал ему философ, — дракон, что тебе приснился, означает тебя самого, отплывающего вместе со своими верными рыцарями; и цвета его крыльев — это цвета твоих королевств, которые ты завоевал со своими рыцарями. А хвост его, изодранный клоками, означает твое рыцарство Круглого Стола. Медведь же, которого дракон убил в облаках, означает тирана, угнетающего твой народ, или же великана, которого тебе предстоит победить в доблестном поединке. По всему этому пусть не страшит тебя твой страшный сон, и не печалься, славный Завоеватель⁹, но будь спокоен и радостен.

И вот по прошествии недолгого времени завидели они берега Нормандии, и с тем же приливом причалил король в Барфлете и там уже застал наготове многих своих славных баронов, как он сам повелел им перед Рождеством.

КАК МЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК ПОВЕДАЛ ЕМУ ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ ВЕЛИКАНЕ И КАК ОН БИЛСЯ С НИМ И ЕГО ПОБЕДИЛ. А потом явился к нему один местный поселянин и обратился к королю с дивными словами и сказал ему так:

— Сэр, здесь по соседству находится страшный генуэзский великан, и он мучает твой народ. Пятьсот наших детей и еще более того пожрал он за последние семь лет. И этого обжоре мало, он и во владении Константина убил и пожрал всех детей мужского пола, а нынче ночью он схватил герцогиню Бретонскую, когда она ехала вдоль берега со своей богатой свитой, и уволок ее вон на ту гору, дабы возлежать с нею, пока она не испустит дух.

Многие гнались за ним, более пятисот баронов, бойцов и благородных рыцарей, но вызволить ее не смогли, она же так громко и страшно кричала, что муку этой дамы не забыть нам никогда. А была она женой твоего кузена сэра Хоуэлла, который, как мы знаем, состоит с тобой в близком родстве. И потому, как есть ты наш законный король, сжался над этой дамой и над своими подданными и отомсти за нас, как надлежит благородному завоевателю.

— Увы,— сказал король Артур,— это страшное злодейство. Я отдал бы все владения моей короны, чтобы только быть вблизи от этого разбойника и спасти несчастную даму по мере моих сил. А теперь, друже,— сказал Артур,— не покажешь ли мне, где обитает этот злодей? Я надеюсь, что разделаюсь с ним, прежде чем мне отправиться в дальнейший путь.

— Господин наш Завоеватель,— отвечал добрый человек,— видишь, вон там два костра? Там над холодным ручьем ты найдешь злодея, а также, наверное, и всевозможных бесчисленных сокровищ более, я полагаю, нежели имеется во всей остальной Франции.

И сказал король:

— Будь же спокоен, добрый человек, и ни слова более. Твои справедливые речи уязвили мое сердце.

И вернулся он к своим шатрам, не промолвив более ничего. Призвал к себе король на совет сэра Кэя и сэра Бедивера доблестного и сказал так:

— Смотрите, после вечерни облачитесь вы двое в крепкие доспехи и берите лучших коней, ибо я собираюсь в тайное странствие и никого, кроме вас двоих, не возьму с собою. Когда кончится служба господа, мы отправимся на гору святого Михаила, где объявились разные чудеса.

И вот удалился сэр Артур и облачился в доспехи, надел кольчугу и панцирь, взял широкий щит. И приблизился он к своему коню, что стоял у обочины, и поднялся в седло, и пустился вскачь, и повстречал своих двух рыцарей в добром облачении. Пустились они рысью без дальних речей, едут вместе по богатому краю, а вокруг весело распевают птицы. Достигнув же подножья горы, спешились они, и повелел им король остаться там.

— А теперь,— сказал Артур,— привяжем коней наших одного подле друтого. Я же один навещу святого Михаила и перемолвлюсь словом со здешним властелином, забравшим в свою власть эту гору.

И поднялся король на самую вершину и вдохнул освежающего холодного ветра, а затем пошел он между двумя ручьями и увидел два костра, полыхающих до самого неба. Подле одного из костров он нашел горькую вдовицу, ломающую руки над свежей могилой. Приветствовал ее Артур и спросил, о чем она так убивается.

— Увы,— отвечала она,— бедный ты рыцарь! Слишком громок твой голос! Вон там сидит страшный злодей, который убьет нас обоих. Не к добру ты здесь очутился. Чего ищешь ты на этой горе? Да будь здесь таких, как ты, полсотни, и тогда не совладать вам с ним всем вместе. Для чего ты в рыцарском облачении? Не много тебе от него будет проку, ибо он не нуждается в ином оружии, кроме своего голого кулака. А здесь лежит погубленная герцогиня, краше которой не было на свете. Он убил ее, кроткую, безо всякого сожаления — учинил над нею грязное насилие и разорвал ее до самого пупа.

— Дама,— сказал король,— я прибыл от благородного Завоевателя сэра Артура, и мне поручено рассчитаться за его подданных с этим тираном.

— Тыфу на такое поручение! — сказала она тогда. — Ибо он ставит ни во что твоего короля, как и любого другого человека. Вот если бы ты привез сюда Артурову жену, даму Гвиневру, ей бы он обрадовался более, нежели отдай ты ему пол-Франции в подарок. А раз ты не привез королеву, то и сам держись от него подальше. Или ты не знаешь, что учинил он над пятнадцатью королями? Он сшил себе плащ, униженный драгоценными камнями, и оторочил его бородами пятнадцати королев из самых великих родов, какие есть на земле. Иной дани он не требовал с этих пятнадцати королевств. А бороды они прислали ему в подарок на Рождество, чая тем самым спасти своих подданных. Здесь же, на горе, он засел ради жены короля Артура, ибо сокровищ у него побольше, чем у Артура и любого из его предков. Ты застанешь его сейчас за трапезой — он ужинает шестью младенцами мужеска пола, заедает соленьями да вареньями, запивает драгоценными винами, и поворачивают ему вертелы три прекрасные девицы, которым предстоит затем взойти на его ложе, и все три умрут, не пройдет и четырех часов, как будет сделано грязное дело насыщения его плоти.

— Нужды нет,— сказал Артур,— несмотря на все ваши грозные слова, я выполню то, что мне поручено.

— Тогда ступай вон к тому костру, что полыхает так высоко, и там ты, верно, его найдешь.

И поднялся он снова на хребет холма и оттуда увидел: сидит великан без штанов в одиночестве за ужином, глодает ногу человеческую и греет у огня свои огромные ляжки. А три девицы вращают три вертела, а на вертелах новорожденные младенцы числом двенадцать нанизаны, точно куропатки. И при виде этого горестного зрелища облилось кровью королевское сердце. Обратился он к нему с гневными словами:

— Ах ты, вор, да поразит тебя Тот, кто владеет миром! Ибо ты мерзейший негодяй, когда-либо живший на свете, и кормишься по-злодейски, дьявол

да заберет твою душу! По какой такой причине убил ты, мужлан, этих христианских младенцев? Многих ты сделал мучениками в этой земле! И потому теперь получишь и ты свою меру с помощью святого Михаила, которому принадлежит эта гора. Почему погубил ты прекрасную герцогиню? Готовься же, песий сын, ибо нынче ты умрешь от моей руки!

Зарычал и завыл тут грязный обжора. Клыки у него были как у гончей собаки, и мерзее зрелища не видывал человек, ибо никогда еще подобный ему не родился на земле и сам диавол в преисподней был не ужаснее его видом. А был он с головы до ног высотой и толщиной в пятнадцать локтей. Вот вскочил он грозно на ноги и в руку схватил свою дубину кованого железа. Замахнулся он на короля этим оружием. И сшиб с его головы на сырую землю королевскую корону. Король загородился щитом и достал мечом, поразил прямо в лоб, так что пробил кость клинок и впился в мозг. Но он все наступает на сэра Артура, а король чуть пригнулся и с размаху поразил его в ляжку и отсек ему мечом срамные части.

Взвыл, взревел великан и еще яростнее ударил дубиной, да промахнулся и не задел сэра Артура, а ударил дубиной оземь, так что взрыл бородачу на три фута в глубину. Тут подскочил к нему король и нанес ему мечом удар такой силы, что раскроил череп, и хлынула кровь, запятнав кругом всю землю и траву. Отшвырнул тогда тот дубину, обхватил короля ручищами и так сдавил, что затрещали ребра. И тогда упали на колени злосчастные девицы, заломили руки и воззвали ко Христу о помощи и поддержке Артура. И злодей повалил Артура наземь, и покатались они оба по кустам и камням, крепко сжимая один другого в железных объятьях. И оказывался Артур то сверху, то снизу, и так, борясь и кувыркаясь, скатились они по склону горы, не разжимая рук, до самой кромки воды. Но все время катясь вниз, Артур разил и колол его коротким кинжалом, вонзая его по самую рукоять, а упав с горы, великан сломал себе сразу три ребра.

По счастью, случилось так, что они свалились прямо на то место, где поджидали при лошадях два королевских рыцаря. Увидел сэр Кэй короля и великана, сжимающих один другого в объятиях, и говорит:

— Увы! Мы навечно пропали. Вот господин наш, схваченный диаволом.

— Ну, нет,— отозвался Артур.— Но помогите мне, сэр Кэй, ибо вот какие святые мощи выкопал я из грота там, на вершине горы.

— Да, правду сказать,— промолвил сэр Бедивер,— это мерзкий урод.

И принял он его из рук короля и сказал так:

— Дивлюсь я, неужто святой Михаил таков собою? В таком случае, как господь наш терпит его у себя на небе? И если таковы святые — слуги Иисусовы, клянусь верой, мне они не по душе!

Засмеялся король Бедиверовым словам и сказал:

— Этого святого я захватил, едва не поплатившись жизнью. Отрубите же ему голову и насадите на древко копыла и отдайте тому из слуг ваших, кто всех быстрее скачет на коне.— пусть отвезет ее сэру Хоуэллу, дабы он возвеселился, ибо супостат его убит. А после в Барфлете выставите ее на стене городского замка всем жителям этой страны на осмотрение. Сами же вы двое подымитесь на эту гору и принесите мне щит мой и меч да захватите тяжелую железную дубину, а если будет вам охота до сокровищ,

вищ, берите все, что захотите, ибо там вы найдете любых сокровищ без счета. Мне отдайте только плащ и дубину, а больше мне ничего не надо. Этот великан был свиреп и весьма могуч, я за пятнадцать последних лет не встречал такого, лишь однажды в горах Аравии попался мне один, равный этому, но этот еще свирепее, и в том я едва не убедился на себе, не оказалась судьба ко мне милостива.

Принесли ему рыцари дубину, плащ и все остальное, а с собой захватили столько сокровищ, сколько им хотелось. И вот сели они все трое на коней и ускакали оттуда тем же путем, каким прибыли.

И вскоре прошел об этом слух, и явились все дружно к королю и благодарили бога и короля за то, что их враг уничтожен.

— За все это благодарите господа,— сказал Артур,— а не смертного человека. Да смотрите, разделите все поровну, чтобы каждому досталась его доля.

И еще повелел он кузену своему сэру Хоуэллу построить на той скале церковь во имя святого Михаила.

А наутро вышел король из Барфлета с великим своим войском, парадно снаряженным, и перебрались они через реки на богатую равнину и там, в долине, разбили свои шатры. И как раз во время трапезы прибыли туда два посла, из коих один был маршал Франции, и объявили они королю Артуру, что император вторгся во французские пределы.

— И разорил он многие наши земли, и прибыл в Бургундию, и там разрушил многие города и благородным твоим подданным учинил побоище. А теперь он рыщет по Прекрасной Франции, и где ни проезжает, сеет смерть и разорение и все предает пожарам. И теперь все бароны, герцоги и остальные, и все пары города Парижа уехали в Нидерланды, туда, где течет Рона, и если вы в скорейшем времени не явитесь им на подмогу, они должны будут все покориться сами и отдать свои города. Более им неоткуда ждать помощи, и придется им отдаться в руки врагу.

КАК КОРОЛЬ АРТУР ОТПРАВИЛ СЭРА ГАВЕЙНА И ДРУГИХ К ЛУЦИЮ И КАК ОНИ ВЫДЕРЖАЛИ НАПАДЕНИЕ И ВЫШЛИ ИЗ БИТВЫ С ЧЕСТЬЮ И говорит тогда король сэру Борсу:

— Садись поскорей на коня вместе с сэром Лионелем и сэром Бедивером, да не премините позвать с собой моего племянника сэра Гавейна, и возьмите с собой каждый по доброму рыцарю и поезжайте прямехонько к сэру Луцию и передайте ему, что я повелеваю ему немедленно удалиться из моих владений. Если же он откажется, пусть тогда готовит свое войско к бою, и мы своими руками разрешим этот спор, а это будет куда достойнее, чем разорять беззащитный народ.

И вот со всей поспешностью садятся они на

коней, благородные рыцари, и, подъехав к зеленому лесу, видят перед собою множество богатых шатров разноцветного шелка, разбитых на лугу у реки, а в середине — императорский шатер и над ними императорский орел. И поехали наши рыцари прямо лесом и подъехали к самому императорскому шатру. Но позади они оставили в засаде вооруженных людей во главе с сэром Лионелем и сэром Бедивером. А с посольством отправились сэр Гавейн и сэр Борс.

Подъезжают они гордо к императорскому шатру и громко говорят ему в голос оба сразу:

— Горе тебе, император, и всем твоим приспешникам! Ибо почему без права занимаешь ты римский императорский престол? Его должен наследовать король Артур от своих благородных предков, которые им владели, — все кроме Утера, его отца. И потому король повелевает тебе покинуть пределы его владений, либо же сразиться за них и по-рыцарски их отвоевать.

— Хорошо сказано, — отвечал император. — Вы с честью выполнили то, что было на вас возложено. Передайте же своему господину мой привет да скажите ему, что негоже ему так оскорблять меня и моих баронов. Скажите ему, что я поеду вниз по Сене и завоюю все прилежащие к ней земли, а потом поскачу к Роне и покорю себе все до последнего уголка.

— Негоже это, — отвечал сэр Гавейн, — чтобы такой пигмей говорил такие хвастливые речи. Да мне не надо всей Франции — только бы мне дали с тобою сразиться.

— Как и мне, — сказал сэр Борс, — не надо всей Бретани и благородной Бургундии.

Тут сказал сэр Гай, близкий родич Луция, такие слова:

— Послушайте-ка, что за хвастуны эти английские британцы. Они болтают и похваляются, будто могут победить весь мир.

Разгневался сэр Гавейн на эти заносчивые речи и своим искривленным светлым клинком отсек рыцарю Гаю голову.

И, поворотив коней, поскакали они через воды и веси и добрались, наконец, туда, где стояли засадой сэр Лионель и сэр Бедивер. А римляне гнались за ними, и всадники, и пешие, по широкой равнине и въехали в густой лес.

Здесь оборотился сэр Борс и видит: скачет на них рыцарь, весь сверкающий золотом, и теснит рыцарей короля Артура. Как увидел его сэр Борс, навесил копье и пронзил его насквозь, так что вывалились наружу внутренности и он упал на землю, горестно стоная.

Тут скачет могучий барон, весь в пурпуре. Он ворвался в гущу рыцарей Артура и поверг наземь многих славных бойцов, звали же его Калибурн, первый силач Павии. Оборотился против него сэр Борс и пронзил его широкий щит и проткнул его широкую грудь, так что повалился тот наземь бездыханный, как камень.

А тут сэр Фельденак, могучий прославленный боец, ринулся на сэра Гавейна, ища мести за сэра Гая и всех своих товарищей, но сэр Гавейн его заметил, вытащил меч свой Галантин и обрушил ему на голову удар та-

кой силы, что раскроил его надвое по грудь, а сам изловил своего коня и поскакал к своим.

Тут обратился к соратникам богатый римлянин, один из сенаторов, и сказал, чтобы они поворачивали назад.

— Ибо там стоят умные послы и храбрые хвастуны, и если мы последуем за ними и дальше, нам несдобровать.

И возвратились римляне к своим шатрам и поведали императору о том, что с ними было и как был убит воевода города Рима и пали на поле боя более пяти тысяч человек.

Но еще прежде, чем они успели выбраться из леса, вырвались наши рыцари из засады и со всех сторон набросились на римлян, и теснили их сэр Лионель и сэр Бедивер и справа, и слева. Наши благородные рыцари, сыны веселой Англии, пробивали им шлемы и яркие щиты и крушили их наземь, а кто жив остался, возвратились к императору и поведали ему в двух словах, что рать его разбита, десять тысяч бойцов пало от руки испытанных рыцарей, каких отважнее не случалось им встречать в бою. А сэр Борс с сэром Гавейном преследовали римлян до самых императорских шатров. Вдруг вырвались римляне со всех сторон, и конные и пешие, во множестве без числа. Но сэр Борс и сэр Берел храбро бились в передних рядах, как надлежит доблестным рыцарям. А сэр Гавейн оказался справа и делал все, что мог, но против него одного было их столько, что он ничем не мог помочь своим товарищам и принужден был повернуть коня или же должен был погибнуть. Сэр Борс и сэр Берел, могучие бароны, бились, как два загнанных вепря. Но в конце концов, как они ни противились, пришлось им сдаться в плен — их схватили и отвели и поставили чуть поодаль, на виду у сэра Гавейна, а тот горько сокрушался беде этих двух лордов.

Но тут прискакал туда со свежими силами рыцарь в чистых доспехах, и то был сэр Идрис, сын сэра Ивейна, благородный боец. Он привел с собою пятьсот добрых бойцов, облаченных в кольчуги, и когда он узнал, что сэр Борс и сэр Берел захвачены в плен, то сказал так:

— Увы! Слишком велик позор и ущерб, нам нанесенный! Ибо король Артур, проведая он, что случилось с этими двумя рыцарями, не знал бы радости, покуда не отомстил за них.

— Ах, славный рыцарь, — отвечал сэр Гавейн, — ты, я знаю, муж благородный, ведь таков и твой отец. И мать твою я хорошо знаю. В английской земле ты рожден на свет. Увы, эти римляне гнали нас сегодня, точно диких зайцев, и захватили в плен нашего военачальника. А ведь лучше рыцарь, нежели он, никогда не садился в седло. Вон там, погляди, они ведут наших лордов по широкому полю. И я даю клятву, — сказал сэр Гавейн, — что не увижу господина моего Артура, если не спасу их сейчас, когда их от нас уведат.

— Это рыцарские речи, — сказал сэр Идрис, натянул удила и поскакал через широкое поле. И кололи там копьями и рубили мечами, и сэр Гавейн своим мечом Галантином совершил много чудесных подвигов. Он пробился к тому, кто вел сэра Борса, и вонзил в него меч свой по рукоять, и отвел сэра Борса к товарищам. А юный сэр Идрис, сын сэра Ивейна, пробил-

ся к тому рыцарю, который вел сэра Берела, и так он орудовал своим мечом, что кровь и мозг стекали по лезвию.

Между тем один гордый сенатор пробился к сэру Гавейну и нанес ему тяжкий удар. Видит это сэр Идрис и скачет к нему на подмогу — он убил бы гордого сенатора, если бы тот не сдался с поспешностью в плен. Не хотелось ему покориться, но пришлось поневоле, и тогда сэр Идрис вывел его из гущи сражения и отвел к сэру Лионелю и к сэру Ловелю, его брату, и строго наказал ему сторожить пленника.

И завязалось тут большое сражение, и римские силы все прибывали. Видит это сэр Гавейн, и отправил он рыцаря к королю Артуру.

— Расскажите ему, как тяжело нам здесь досталось, да передайте, что мы захватили в плен главного казначея города Рима. И Петр, благороднейший сенатор, тоже наш пленник, как и многие другие гордые римские князья, чьих имен мы не знаем. Просите же его, как есть он наш господин и король, пусть поспешает с подмогой, ибо за этих пленников можем мы получить богатейший выкуп. Да еще скажите ему, что я жестоко оанси.

Когда прибыли гонцы к королю и все ему пересказали, он возблагодарил Иисуса и всплеснул руками.

— За эти твои речи, если только буду я жив, награжу тебя, как ни одного рыцаря на свете. Но если сэру Гавейну угрожает смерть, то, клянусь перед богом, никакому золоту не купить их жизни. Ибо пусть лучше император и все его лорды горят в геенне огненной, чем хоть один рыцарь Круглого Стола получит жестокую рану.

И были пленники приведены пред лицо Артурово, и он повелел поручить коннетаблям их охрану, да чтобы обходились с ними как с рыцарями благородными.

А вскоре вслед за тем стали подъезжать передовые всадники и предупредили о прибытии сэра Борса, сэра Бедивера, сэра Лионеля и сэра Гавейна, жестоко раненного, со всей их доблестной ратью. Ни один рыцарь не пал у них в бою. Король Артур повелел при себе обмыть сэру Гавейну раны и сказал ему так:

— Любезный кузен, я сострадаю твоим ранам! Если бы я знал, что тебе от того станет легче и спокойнее на сердце, я подарил бы тебе головы тех, кто тебя изувечил.

— От этого мало было бы проку, — отвечал сэр Гавейн. — Они уже давно лишились бы голов, если бы я захотел, а убивать рыцарей, которые сдались в плен, постыдно.

И было в тот день среди рыцарей Круглого Стола веселье и разные игрища, и гонцы вели рассказы о великой доблести и о славных подвигах, в тот день совершенных.

А поутру, чуть рассвело, король призвал к себе сэра Кадора Корнуэльского и сэра Кларуса Клермонтского, безупречного бойца, сэра Клодруса и сэра Клегиса, двух старых почтенных рыцарей, и сэра Борса, сэра Берела, превосходных бойцов, а также сэра Бриана Островитянина, и сэра Бедивера, бесстрашного рыцаря, и еще он призвал к себе сэра Ланселота и при всех сказал во всеуслышанье так:

— Прошу тебя, сэр, твоей любовью ко мне, стань во главе вот этих рыцарей и доблестно препроводи наших пленников в город Париж, дабы там содержать их под надежной охраной. И если на вас нападут, чтобы отбить пленников, на тебя я полагаюсь всех более, да поможет мне Иисус.

И вот сэр Ланселот и сэр Кадор с остальными рыцарями отобрали из своей дружины десять тысяч храбрейших мужей, всех лучше снаряженных, развернули знамена и распустили их над головами.

КАК ЛУЦИИ ОТПРАВИЛ НЕКОТОРЫХ ВПЕРЕД ЗАСАДОЙ, ЧТОБЫ ОТБИТЬ СВОИХ ПЛЕННЫХ РЫЦАРЕЙ, И КАК ИМ ЭТО НЕ УДАЛОСЬ Мы же теперь вернемся к императору Рима, который узнал от лазутчиков, куда поведут пленных. Призвал он к себе сэра Эдольфа и сэра Эдварда, двух могучих королей, и сэра Секстора Ливийского, и многих сенаторов, и царя Сирийского, и одного сенатора города Рима. Все эти бароны со многими испытанными рыцарями поскакали в долину Труа,

чтобы там перехватить рыцарей короля Артура, которым были поручены пленники.

А наши рыцари направлялись к Парижу. Впереди же их поджидала засада в шестьдесят тысяч человек.

— Ну, лорды, — сказал сэр Ланселот, — я прошу на миг вашего внимания. Следует опасаться, как бы в этом лесу перед нами не залегли наши враги. И потому мой совет: пошлем вперед трех надежных рыцарей.

— Я согласен, — сказал сэр Кадор, и все остальные тоже согласились, и решено было, что вперед выедут сэр Кларион и благородный сэр Клемент, и сэр Клегис, дабы обыскать весь лес, и горы и доли.

Вот выехали вперед эти три рыцаря и увидели в лесу воинов на конях. И крикнул тогда громким голосом сэр Клегис:

— Есть здесь хоть один рыцарь, король или царь, который дерзнет, ради того, кому он служит, сразиться с рыцарем Круглого Стола? Будь он король или простой рыцарь, здесь наготове ждет его противник.

И ответил ему гневно один граф:

— Твой господин возомнил, что завоеует со своими рыцарями весь мир! Но, сдастся мне, скоро вашей храбрости сильно поубавится.

— Тыфу на тебя, трусливый рыцарь! — отвечал ему сэр Клегис. — Трусливы и речи, которые ты ведешь, ибо, клянусь Иисусом, мое оружие прославлено по всей Англии и Бретани и я происхожу из древнего рода благородных баронов и зовусь сэр Клегис, рыцарь Круглого Стола. Мои предки приехали с Брутом из Трон¹⁰.

— Вижу я, — отвечал граф, — по ясным твоим доспехам, что ты один из лучших рыцарей. Но что бы ты ни говорил и ни делал, здесь с тобой сегодня никто не сразится.

Повернул тогда сэр Клегис коня и поскакал оттуда к сэру Ланселоту и сэру Кадору и поведал им обо всем, что видел в лесу, — как там затаилось доброе войско числом в шестьдесят тысяч бойцов.

— Потому, лорды, предстоит вам сразиться или же покрыть себя позором — выбирайте, что вам больше нравится.

— Ну, нет, клянусь верою, — сказал сэр Ланселот, — не время сейчас поворачивать вспять, ведь с нами здесь все прославленные бывалые рыцари, не ведавшие в своей жизни позора. Что же до меня и моих родичей, мы лишь недавно возведены в рыцари, но никогда не согласимся утратить честь, добытую предками нашими.

— Хорошо сказано, — молвил сэр Кадор и с ним все остальные. — Ваши рыцарственные речи нас радуют. Думается мне, здесь нет никого, кто пожелал бы повернуть назад, а что до меня, — сказал сэр Кадор, — то я предпочту сегодня погибнуть, чем обратиться к врагам спину.

— Добро, — сказал сэр Борс. — Давайте же нападём на них и заслужим честь и похвалу нашего короля, и он наградит нас землями и титулами за наши благородные подвиги. Кто же уклонится от битвы, пусть дьявол заберет его кости. А если кто ради раздела добычи побережёт своих рыцарей до тех пор, пока не станет видно, какая сторона одерживает верх, тот поступит не по-рыцарски, да поможет мне Иисус!

И вот сэр Ланселот и сэр Кадор, два могучих герцога, посвятили новых рыцарей на добычу славы. И первым был Йоник, благороднейший витязь, и сэр Хектимер и сэр Алидук, оба рожденные в Английской земле, и сэр Хамерель, и сэр Хардольф, доблестные мужи, и еще сэр Харри и сэр Харригаль, оба добрые бойцы.

— Ну, други, — сказали сэр Ланселот и яростный сэр Кадор, — теперь пусть сэр Бедивер с сэром Берелом возьмут с собою сэра Рейнольда и сэра Эдварда, сыновей Роландовых, и охраняют этих благородных пленников. Что бы ни приключилось с нами, берегите их и самих себя. Как выполняете вы наше повеление, в том ответите вы господину нашему Артуру, и как бы плохо ни приходилось нам в сражении, стойте на своих местах и не оставляйте пленников. И если вы увидите, что вражья сила нас превосмогает, укройтесь в каком-нибудь близлежащем замке и оттуда поспешите к нашему королю и просите у него для нас подмоги, как есть он наш добрый повелитель.

И устремились они вперед все разом, доблестнейшие рыцари, когда-либо преломлявшие хлеб, и в передних рядах скакали пять сотен бойцов, грозно навесив копья, и только трубы трубили, а больше не раздавалось ни звука.

Тогда римское войско слегка отступило, и выехал вперед строя царь Ливийский, возглавлявший передовой отряд, упер копьё свое и пустил коня прямо навстречу сэру Берелу и пробил ему копьем горло, так что рухнули наземь и конь и всадник, и на том лишился он жизни.

— Увы, — сказал сэр Кадор, — горько у меня на сердце, оттого что лежит мертвым мой кузен, которого я всех более любил.

И он сошел с коня и поднял его на руки и повелел своим рыцарям хорошо стеречь его тело.

Между тем царь громко засмеялся и стал похваляться:

— Вот один из этих гордых рыцарей повержен!

И сказал сэр Кадор:

— Этот король вздумал похваляться. Но если только доживу я до сегодняшнего вечера, я еще сражусь с ним, да поможет мне Христос!

— Сэр, — сказал сэр Ланселот, — не предавайтесь слишком вашему горю, но берите копьё, а мы от вас не отстанем.

И вот сэр Кадор, сэр Ланселот и сэр Борс, все трое добрые бойцы, наставили свои копья и ринулись в самую гущу сраженья, и трижды пробившись туда и обратно через вражеские ряды, а когда копья у них поломались, они выхватили мечи и порубили доблестных рыцарей более сотни, а затем возвратились к товарищам. И тогда крикнул громким голосом сэру Кадору царь Ливийский:

— Щедро отомстили вы за смерть своего рыцаря, ибо за одного него я потерял моих рыцарей сотню или полторы.

И стали сходитьсь оба войска, и началось там большое побоище сарацин, но из доблестных рыцарей короля Артура десятеро были захвачены и уведены в плен. Горько опечалились тому сэр Ланселот и сэр Кадор, и сэр Борс, свирепый рыцарь. Видит их подвиги царь Ливийский, он садится на горячего скакуна и окружает наших рыцарей, и многие могучие мужи были повержены наземь — сэр Алидук был убит, сэр Аскамур жестоко ранен, сэр Херод и сэр Херингдаль порублены в куски, а сэр Ловель захвачен в плен, и сэр Лионель тоже, и сэр Клегис с сэром Клермонтом едва избегли пленения с помощью рыцарственного сэра Ланселота; вновь же посвященные рыцари были все как один перебиты.

Вот выехал против царя Ливийского сэр Кадор с добрым своим мечом в руке и такой удар обрушил ему свысока на голову, что выбил ему мозги.

— Вот тебе, — сказал сэр Кадор, — мой долг, заплаченный сполна, и пусть дьявол заберет твои кости, раз уж ты был рожден на свет!

Тогда рассвирепел султан Сирийский, ибо смерть царя опечалила его сердце, он воззвал к своим людям, и вновь насели они свирепо на наших рыцарей.

Но вскоре выехали против него сэр Ланселот и сэр Борс, и в скором времени, как повествуют поэмы, они убили сарацинов числом более пяти тысяч. И сэр Кэй бесстрашный захватил в плен военачальника, а Эдвард захватил двух графов, султан Сирийский сдался в плен сэру Ланселоту, а сенатор Савтр сдался сэру Кадору.

Когда увидели римляне и сарацины, к чему идет дело, они предались бегству что было мочи, дабы спасти свои головы. А наши рыцари преследовали их со свежими силами и рубили сарацинов направо и налево.

И в тот день свершил сэр Ланселот столько бранных подвигов, что сэр Кадор и все римляне весьма дивились его мощи, ибо в той битве ни один король, царь или рыцарь не могли устоять под его ударом. И с того дня пошла его слава на всю жизнь, а до того ему еще не случилось так отличиться, ибо он с сэром Борсом и сэром Лионелем лишь незадолго до того на большом празднике были посвящены в рыцари.

Так были все римляне и сарацины в том бою перебиты, кроме немногих, которые укрылись поблизости в одном замке. И тогда добрые мужи Круглого Стола подобрали на поле брани тела благородных рыцарей и послали их к

королю Артуру, дабы он предал их земле. А они все поскакали дальше и прибыли в Париж и оставили там пленников у почтенного подесты, и он передал их под надежную охрану. А после того каждый рыцарь взял свое копье и испил холодного вина, и пустились, все вдруг, в обратный путь к королю Артуру.

Увидел король своих рыцарей и весьма возрадовался сердцем, он заключил каждого рыцаря в объятия и сказал:

— Вы заслужили все почести, какие есть на свете! Клянусь, нет другого короля, у которого были бы такие же превосходные рыцари.

— Сэр,— отвечал ему сэр Кадор,— из нас ни один не подвел товарищей, но сэр Ланселот явил такую доблесть, что дивно рассказывать. Его храбрые кузены тоже выказали себя достойными рыцарями, но сэр Ланселот своим мудрым соображением и великой силой превосходит всех ровесников. Когда король услышал такие слова сэра Кадора, он сказал:

— Он отличился, как ему и подобало.

И назвал сэр Кадор Артуру добрых рыцарей, павших в бою:

— Царь Ливии, который убил первого рыцаря с нашей стороны сэра Берела; и сэр Алидук, благородный боец, и сэр Маурел, и сэр Морис, два брата, с сэром Менадуком и сэром Мандиффом, добрыми рыцарями.

Заплакал тут король, утер платком глаза и сказал:

— Ваша храбрость и горячность едва не привели вас к гибели, ведь если бы вы повернули назад, вы не утратили бы чести, ибо неразумием полагаю я оставаться на месте, когда силы противника превосходящи.

— Ну нет,— сказал сэр Ланселот,— мы навсегда покрыли бы себя позором.

— Это верно,— сказали сэр Клегис и сэр Борс.— Ибо рыцарь, однажды опозоренный, не смает позора никогда.

КАК ОДИН СЕНАТОР СООБЩИЛ ЛУЦИИ ВЕСТЬ ОБ ИХ ПОРАЖЕНИИ, А ТАКЖЕ О ВЕЛИКОМ БОЕ МЕЖДУ АРТУРОМ И ЛУЦИЕМ

А теперь оставим мы сэра Артура и его благородных рыцарей и поведем речь о сенаторе, который покинул поле битвы. Когда он прибыл к Луцию, императору Римскому, то сказал:

— Сэр, уводи свои полки! Что делаешь ты в этом краю, зачем угнетаешь бедных людей? Ты ничего для себя не завоеуешь, а если встретишься с королем Артуром и его храбрыми рыцарями, то завоеуешь лишь могучие удары без счета. Ибо в нынешнем бою один рыцарь Артура стоил сотни наших.

— Тыфу на тебя! — сказал Луций.— Трусливы твои речи! Если понесенный урон меня печалит, то еще того более печалят меня твои слова.

И созвал он к себе на совет мужей высоких родом. И по их совету выслал он вперед рыцаря по имени сэр Леомий. Тот снарядил своих людей, и повелел ему Луций поспешить, взявши с собою лучших бойцов.

— И выступайте вперед, мы же последуем за вами.

Но король об их выступлении был тайно предупрежден, и он поспешил со

своими людьми в Суассон и там успел засесть в славных замках и укрепленных городах. Тогда-то сэр Вилар Доблестный поклялся перед королем, что либо умрет, либо захватит в плен или убьет Римского владыку.

Потом приказал король сэру Кадору стать во главе заслона.

— И возьмите с собою мужей Круглого Стола, каких пожелаете, кроме сэра Ланселота и сэра Борса. Сэр Кэй и сэр Клегис тоже останутся здесь. И сэр Маррок с сэром Мархальтом будут вместе со мною — все они и еще многие другие останутся при моей особе.

Так король Артур расположил свое войско в разных местах, дабы враги не могли уклониться от сраженья.

И вот когда император вошел в долину Суассона, он увидел короля Артура во главе выстроенной дружины с развевающимися знаменами. Со всех сторон оказался он в окружении, и оставалось ему либо сражаться, либо сдать-ся в плен.

— Вижу я,— сказал Луций,— что этот мятежник меня предал.

Расставил он своих рыцарей по разные стороны и поднял дракона с черными орлами, и повелел трубить в трубы и стучать в барабаны, так что зазвенела вся долина. И громко возгласил он, так что слышно было каждому воину:

— Сэры, ведомо вам, что честь и слава всегда следовали за римлянами. Да не утратим мы их и ныне, не дрогнем сердцем, ибо по вражьему строю вижу я, что ныне многие падут мертвыми. И потому бейтесь храбро, и нашей будет победа.

А король Уэльса находился от них так близко, что слышал все, что говорил сэр Луций. И устремился он против Римского воеводы, желая сдержать свою клятву. Ярко сияли у того доспехи, украшенные страшными драконами, и в переднем строю он скакал с крепким копьем в руке, и сшибся он на скаку с сэром Виларом Доблестным, хоть и был сам воеводой Рима, и пробил сэр Вилар ему копьем нижние ребра насквозь, так что хлынула кровь из обеих ран, и упал он на землю, не промолвив больше ни слова.

Тогда подскакал туда бесстрашный сэр Ивейн и пробился через ряды императорского войска в самой гуще битвы и зарубил великого барона, охранявшего императорский штандарт, а потом и самое знамя разрезал ударом ясного меча, сорвал с древка и ускакал с ним к своим товарищам.

Тут выехал сэр Ланселот на могучем скакуне и устремился к сэру Луцию, и по пути пробил он грудь королю, стоявшему рядом с Луцием, и был то Джоконд, благородный сарацин. А потом подскочил он к сэру Луцию и ударил его мечом по шлему, так что тот повалился наземь. Тогда он трижды перескакал его конем, захватил римское знамя и отвез к королю Артуру. И говорили все люди, что ни один рыцарь так не отличился, как он в тот день.

Тут сэр Борс наехал на могучего рыцаря и так ударил его по шлему, что сломал ему шею. А он повернул коня против страшного великана и пробил ему оба бока, и еще на пути он убил двоих рыцарей.

К этому времени начали стрельбу лучники Англии и Бретани, а римляне и сарацины пустили в ход дротики и арбалеты. И пошла тут жаркая битва, и много полегло римлян, но и голландцы своими короткими стрелами при-

чинили немало вреда, ибо они выступали на стороне римлян с луками из рога. И огромные гетуэские великаны убили много рыцарей, выбивая им мозги стальными дубинами и раскраивая также головы боевым скакунам. Увидел Артур, что делают великаны, и крикнул он тогда громким голосом, чтобы все рыцари могли его услышать:

— Любезные лорды, смотрите не позорьте свои имена! Не уступите чести этим голоногим мужланам! А что сделаю я, это вы сейчас увидите.

И выхватил он меч свой Эскалибур и поскакал на великана Галапаса. И с размаху перерубил ему король колени, говоря:

— Вот теперь ты ростом сравнялся с нашими рыцарями!

А затем, не замедлив, отсек ему голову с плеч.

Тут ринулись в бой сэр Кадор и сэр Кэй, сэр Гавейн и славный сэр Ланселот, сэр Борс, сэр Лионель, сэр Эктор Окраинный и сэр Аскамур, добрый рыцарь, никогда не подводивший своего господина, сэр Пелеас и сэр Мархальт, два испытанных бойца. И все эти грозные рыцари набросились на великанов, и когда все было кончено и суд божий свершился, более пятидесяти великанов лежали поверженные мертвыми на сырой земле.

Так продвигались они вперед со своим королем, эти доблестные рыцари Круглого Стола. И ни один король, ни рыцарь еще так не отличался, с тех пор как бог создал мир. Они рубили длинными мечами и раскалывали вражьи черепа. Ни щиты, ни крепкие латы не служили от них защитой.

И они не остановились, покуда не повергли наземь десять тысяч в один наезд. И тогда дрогнули римляне и начали отступать, но король Артур со своими несравненными рыцарями все теснили их и теснили.

Вот сэр Кэй, сэр Клегис и сэр Бедивер Могучий наскокнули на них из-за скалы и втроем убили более пятисот. Вот сэр Кэй сшибся с королем Ефиопским и пробил ему грудь насквозь, а когда повернул и поскакал к своим товарищам, тиран вонзил ему копье между грудью и животом, но и с мучительной раной повернул он опять коня и ударил того по голове, так что раскололся до плеч череп, и сказал он:

— Пусть я умру из-за тебя, но и ты не заслужишь славы!

Когда же сэр Клегис и сэр Бедивер увидели, что сэр Кэй ранен, они расправились с римлянами, как охотничьи псы с зайцами.

Потом возвратились они к королю Артуру и поведали ему, что с ними было.

— Сэр король, — промолвил сэр Кэй. — Я служил тебе долго. А ныне, ради отца моего, похорони меня где-нибудь да поклонись от меня даме Гвиневере, твоей доброй королеве, и передай мой привет моей достойной жене, никогда меня не гневившей, бели ей молиться за мою душу.

Заплакал тогда король Артур от боли в сердце и сказал:

— Сердце говорит мне, что ты будешь жить.

И с тем выдернул у него король своими руками из тела обломок копья и велел лекарям хорошенько осмотреть его рану, и они ему сказали, что ни печень, ни легкие, ни кишки не задеты. Уложил тогда король его в своем шатре и приставил к нему верных рыцарей и сказал так:

— Я отплачу за твою боль, вот увидишь!

И поскакал король и в печали повстречал какого-то короля и мечом своим Эскалибуром разрубил ему спину. Едет дальше, наезжает на другого, и

в тоске пронзил он его насквозь от бока до бока. Так носился он туда и сюда в самой гуще сраженья, тридцать раз проехав из конца в конец поле брани.

А сэр Ланселот, сэр Гавейн и сэр Ловель, его сын, отъехали в сторону и видят вдруг на лугу императора Луция. Увидел и сэр Луций сэра Гавейна и так ему говорит:

— Добро тебе пожаловать сюда! Вижу я, ты ищешь себе беды, ибо здесь ты будешь побежден!

Разгневался сэр Ланселот его грозным словам и так ударил его мечом по ясному шлему, что пролилась кровь к самым его ногам.

И сэр Гавейн своим долгим мечом рубился яростно, он убил трех эмиров своими руками. И юный Ловель не отставал, он убил короля и герцога, двух доблестных рыцарей. Но тут римляне спохватились. Когда увидели они, как досталось их повелителю, они набросились на наших добрых рыцарей и многих порубили, и в том наезде выбили из седла доблестного сэра Бедивера, и остался он на сырой земле, жестоко раненный острым мечом, но сэр Ланселот и сэр Ловель подобрали его и спасли.

Тут прискакал туда король Артур с рыцарями Круглого Стола и спас своих славных людей, которые уже не чаяли спасения, ибо нередко случается, что зависть друг к другу приносит рыцарям гибель: на словах они все очень хороши друг с другом, а в бою их единственная забота отличиться перед остальными.

Лишь только завидел король Артур императора Луция, не стал он более задерживаться ни ради короля, ни ради капитана.

Ринулись они один на другого с обнаженными мечами. Сэр Луций ударил Артура мечом поперек носа и нанес ему рану чуть не до языка глубиной. Сэр Артур разъярился и обрушил меч со всей силой, что была у него в руках, и от шишака на шлеме прошел клинок до широкой груди, и на том пришел императору конец.

А король повстречал сэра Кадора, своего яростного кузена, и крикнул ему:

— Прошу тебя, рази и убивай, ради сэра Кэя, моего молочного брата, и ради сэра Бедивера, который служил мне так долго! И потому не щади никого ни за золото, ни за серебро, ибо не похвально щадить тех, кто союзничает с сарацинами. Убивай же всех и не щади ни язычника, ни христианина. Взялись за мечи сэр Кадор и сэр Клегис, сэр Ланселот, сэр Борс, сэр Лионель, сэр Эктор Окраинный, и стали они носиться взад-вперед среди вражбх воинов. И сэр Гавейн, сэр Гахерис, сэр Ловель и сэр Флоренс, его брат, рожденный на горé сестрою сэра Бранделя, все эти рыцари скакали в передних рядах вместе со многими другими рыцарями Круглого Стола, чьи имена здесь не перечисляются. Они носились по холмам, долинам и ледам и перебили столь дивное количество народу, что тысячи тел валялись в одной огромной груде.

Как ни отбивались римляне и сарацины и как ни кричали, что готовы сдаться, ни один не был пощажен, все были преданы мечу. Король Артур скакал по полю в самой гуще битвы и, словно дикий лев, разил направо и налево благородных сенаторов. Он никому ни за что не давал пощады,

но убивал всякого и, убив, устремлялся к следующему, покуда не были перебиты там все числом в сто тысяч, да еще многие тысячи спаслись бегством с тайной помощью друзей.

И тогда отступил король со своими благородными рыцарями, и послал обшарить все поле в поисках своих славных баронов. Тех, кто был мертв, похоронили, как подобало им по рождению, а кого возможно было спасти, для тех не жалели редкостных снадобий, и не было для них слишком дорогих яств, какие только можно было закупить на золото и серебро. Так он спас жизнь многим рыцарям, которые и не чаяли выжить, но выздоровлению сэра Кэя и могучего сэра Бедивера он радовался как никто на свете.

Потом поехал король прямо к тому месту, где лежал убитый император, и велел поднять его и уложить по-царски вместе с благородными баронами, и султаном Сирии, и царем Ефиопии, и королем Египта, и королем Индии, двумя благородными властелинами, и еще с семнадцатью королями и шестьюдесятью римскими сенаторами, славными и почтенными, и всеми старейшинами.

Король повелел набальзамировать их драгоценными смолами, а потом запеленать в широкое тонкое полотно в шестьдесят слоев, а потом заключить в свинец, чтобы они не испортились и не повредились, а потом уложить в коробки, богато изукрашенные, а сверху — их знамена и щиты, дабы все могли видеть, откуда они и кто такие.

А поутру поймали на равнине трех римских сенаторов. И когда привели их к королю, он сказал им такие слова:

— Я готов сохранить вам жизнь, если вы отправитесь с моим поручением в великий Рим и привезете эти мертвые тела гордому подесте и вручите ему мои письма и сообщите ему на словах, что вскорости они меня увидят, и думаю, они поостерегутся шутить со мною и моими рыцарями.

И уложили императора в повозку, а за ним по два рыцаря в повозке и по два сенатора на катафалке.

— Передайте же подесте и всем лордам, что вот я шлю им дань, которая причитается от меня Риму, ибо этим лишь только и задолжал я с моими предками Риму за последние двести лет. Да скажите, что, по-моему, я заплатил им сполна, а если они сочтут, что этого мало, готов исправить дело, когда явлюсь туда. И потому велю вам передать им, чтобы никогда не требовали дани и налога с меня и моих земель, ибо придется им довольствоваться вот такими сокровищами.

И вот рано поутру отправились эти сенаторы в Рим и на восемнадцатый день прибыли к подесте и объявили ему, что привезли налог и подать за две сотни лет с Англии, Ирландии и со всех Восточных земель.

— И король Артур вам повелевает не спрашивать с него под страхом смерти ни дани, ни налога, покуда не приобретете на то права повернее, нежели было у ваших предков. Мы же за то бились теперь во Франции, и нам пришлось плохо, всех порезали, порубили насмерть, и простых и знатных. И потому наш совет, запасайтесь провiantом, ибо война идет сюда. Эта беда приключилась в месяце мае в земле Константина, где текут чистые реки, и там он со своими рыцарями подобрал нас, тех, кто был ранен, в тот же день отдал на излечение лекарям, убитых же предал земле.

КАК АРТУР, ОДЕРЖАВ ПОБЕДУ НАД РИМЛЯНАМИ, ВТОРГСЯ В АЛЛЕМАНИЮ, А ОТТУДА — В ИТАЛИЮ. Мы же теперь обратимся к Артуру и его благородным рыцарям. Они направились прямо к Люксембургу, оттуда через Фландрию и в Лотарингию¹¹. И завоевал он там все герцогства и графства, а затем прошел в Аллеманию и богатую Ломбардию и установил в тех землях свои законы, которые сохранились там очень долго. Оттуда он пошел в Тоскану и там разбил всех тиранов, но были там хитрые военачальники, уже знавшие об Артуровом прибытии, и они поджидали его в узких проходах и перебили многих его воинов и во многих городах ставили свои гарнизоны.

И был там один большой город, который долго выдерживал осаду Артура и его рыцарей, и на

то разгневался Артур и воскликнул громким голосом:

— Я возьму штурмом сей город, или же многие расстанутся с жизнью! И он приблизился к городским стенам без щита, лишь в одной кольчуге.

— Сэр, — сказал ему сэр Флоренс, — вы поступаете неразумно, столь близко подходя безоружным к этому опасному городу.

— Если ты боишься, — отвечал король Артур, — мой совет тебе, спасайся поспешно бегством, ибо со мной они не завоюют славы, но лишь копья обломают, ибо господь наш того не допустит, чтобы подлый люд мог убить помазанного и коронованного короля.

Тут подъехали к городу благородные рыцари Круглого Стола и спешили прямо под стенами. Они устремились все дружно в ряд на предместное укрепление, всех рубя и сокрушая, кто попадался им на пути, и в этой схватке завладели они городским мостом. И когда бы не поставленный там гарнизон, пробились бы они и в городские ворота и захватили бы весь город через мощь и силу своих рук.

Но вот отошли наши благородные рыцари немного назад и, явившись к королю Артуру, просили его стать там на ночлег. И повелел он разбить шатры полотняные и палатки вокруг всех стен города, и еще он повелел поставить тайно стенобитные машины во множестве.

Затем призвал к себе король сэра Флоренса и сказал ему такие слова:

— Мои люди ослабели из-за недостатка провiantа, здесь же кругом густые леса, и в них затаились враги наши. Там у них, я уверен, много скота. Отправляйся же за добычей в эти леса, и с тобою поедут сэр Гавейн и сэр Вичард с сэром Вальчером, два достойных рыцаря, в сопровождении своих бывалых воинов с Западных Окраин. И еще с вами отправятся сэр Клермонт и сэр Клегис, столь умело владеющие оружием, и воевода Кардифский, рыцарь превосходнейший. А теперь ступай и предупреди их всех, чтобы сделано было так, как я повелел.

Пошел сэр Флоренс и вскоре снарядил свою рать, и вот поскакали они по горам и долам, по лесам и полянам.

Выехали они на широкий луг, пестреющий прекрасными цветами, и там стреножили они своих лошадей.

А как забрезжил день, сел тайно на коня сэр Гавейн и поскакал на поиски чудес. Вскоре повстречался ему у реки всадник, медленно едущий на высоком коне по лесной опушке, за спиной у него висел щит, а сопровождал его лишь один оруженосец, везший тяжелое копье. А щит у того рыцаря — на золотом поле сверкающем три черных грифона с карбункулами и серебряное оглавие. Увидел сэр Гавейн этого пестро облаченного рыцаря, схватил большое копье и поскакал прямо на него, дабы съехаться с этим грозным рыцарем на лесной опушке. Подъехав, спросил его сэр Гавейн по-английски, кто он таков. И тот рыцарь ответил ему на языке Тосканы так: — Зачем ты прискакал сюда, подлый вор, наставив свое копье? У меня ты ничем не поживишься, как бы ни старался, и только будешь моим пленником, как ты не заносись.

— Горды твои речи, — сказал сэр Гавейн. — Но мой тебе совет, оставь грозные слова и береги доспехи, не то не миновать тебе беды.

О ПОЕДИНКЕ, КОТОРЫЙ ВЕЛ ГАВЕЙН С ОДНИМ САРАЦИНОМ, КОТОРЫЙ СДАЛСЯ ЕМУ И ПРИНЯЛ ХРИСТИАНСТВО

ВО Сжали они копья в руках по всем правилам воинского искусства, ринулись друг на друга, нанося меткие удары, и пробили друг на друге щиты и панцири и пронзили один другому плечи на целую ладонь. И от того пришли они оба в такую ярость, что тут же, не отъехав, схватили с поспешностью мечи и рубили друг друга жестоко по шлемам и кололи друг друга под ребра стальными клинками. Так рубились пешими эти два яростных рыцаря, и искры огнем сыпались наземь из их шлемов.

Но вот распалился пуще прежнего сэр Гавейн, размахнулся мечом своим Галантином и ударил со всею мощью и разрубил у рыцаря щит на две половины. И пробил меч толстую кольчугу, из крепких колец сплетенную, и богатые одежды, все рассек на две части, так что видны стали легкие и печень. Застонал рыцарь от столь тяжелой раны, бросился на сэра Гавейна и ударил его с плеча наискось, так что и на спине и на груди рассек ему панцирь и вскрыл вену, и так жестока и мучительна была эта рана, что затмился у него разум и кровь залила доспехи.

Тогда обратился к сэру Гавейну тот рыцарь и велел ему перевязать раны. — А не то расстанешься с жизнью. Ибо ты пятнаешь кровью и коня, и свои пестрые одежды. Но знай, все цирюльники Бретани не остановят тебе кровь, ибо кого поранит этот клинок, тот до смерти будет истекал кровью.

— Клянусь богом, — отвечает сэр Гавейн, — мне и горя мало. И ты своими

кичливыми словами меня не запугаешь. Ты думаешь такими речами усмирить мое сердце, однако тебе еще придется несладко, прежде чем ты отсюда уедешь, разве только ты поспешишь мне открыть, кто может остановить мне кровь.

— Это я могу и сделаю, если только ты поможешь мне получить святое крещение и покаяться кротко в грехах моих. Ибо я молю о милосердии господнем и желаю стать христианином и веровать крепко в бога, твоей же душе за доблесть твою уготовано небесное спасение.

— Я согласен, да поможет мне бог, исполнить твоё желание, — отвечал сэр Гавейн. — Ты заслужил это. Но прежде открой мне правду, чего искал ты в этих местах, разъезжая в одиночестве, и какого господина ты вассал. — Сэр, — говорит тот, — я зовусь Приам, мой отец — владетельный князь, он отпал от Рима и завоевал у него многие земли. Родом же мой отец происходит от Александра, владыки над всеми королями земли, и от Гектора также происходит он по прямой линии; и еще многие были в нашем роду, как Иуда Маккавей и вождь Иисус Навин. И я — прямой наследник всех владений Александрии, Африки и всех Внешних Островов. И, однако, я готов уверовать в того бога, в которого веришь ты, и тебя за труды твои одарить богатыми сокровищами. Ибо так заносчив был я в сердце моем, что мнил, будто на свете нет мне равных, и с согласия отца прибыл на эту войну со ста сорока рыцарями, однако нынче встретил я противника, в поединке с которым отвел душу. И потому, сэр рыцарь, прошу тебя именем твоего короля, скажи мне, кто ты?

— Сэр, — отвечал сэр Гавейн, — я вовсе не рыцарь, я вырос в гардеробной благородного короля Артура, много дней и лет берег его доспехи и всю одежду, чистил его гамбизоны, хранил дублеты¹² герцогов и графов. А прошлым Рождеством он возвел меня в йомены¹³ и одарил богатыми дарами — пожаловал мне коня со сбруей и сто фунтов деньгами. И если мне посчастливится вернуться к моему господину, я, уж конечно, буду сразу же исцелен.

— О! — воскликнул сэр Приам. — Если у него слуги таковы, рыцари и вовсе должны быть превосходны. Прошу же тебя отцом твоим небесным и королем твоим, рыцарь ты или слуга, открой мне свое имя!

— Клянусь богом, — сказал сэр Гавейн, — я скажу тебе теперь всю правду. Я зовусь сэр Гавейн и прославлен при дворе короля и в его доме, и значусь рядом с доблестнейшими рыцарями Круглого Стола, и возведен в герцоги его собственной рукой. И потому не сокрушайся, славный рыцарь, что потерпел от меня поражение: это милость божья придала мне силы.

— Это мне больше по душе, — сказал сэр Приам. — Предложи ты мне все богатства Прованса и Персии, я бы все равно скорее предпочел, чтобы меня разорвали дикие кони, чем понести мне поражение от йомена и уступить в бою пажу или простому коннику. Но теперь, сэр рыцарь Круглого Стола, предостерегаю тебя: здесь поблизости находится герцог Лотарингский со своим войском, и храбрейшие воины Дофинии с голландцами, и многие лорды Ломбардии, и Готардский гарнизон, и мужи Вестфалии, могущественные владыки, и саксонцы, и сарацины из Южных земель в великом

множестве, всего числом шестьдесят тысяч могучих бойцов. И потому если ты не поторопишься прочь с этого поля, нам обоим придется плохо, ведь мы тяжко изранены, и неизвестно еще, исцелимся ли когда-нибудь. Только смотри, чтобы мой слуга не затрубил в рог, и чуть он попытается, разруби его на куски, ибо здесь поблизости стоят сто рыцарей из моей свиты, и если ты попадешь им в руки, никакому золоту червонному не выкупить тебя из их власти.

И тогда сэр Гавейн переехал вброд через реку, дабы укрыться от нападения, и тот благородный рыцарь последовал за ним, жестоко раненный. И так они ехали, покуда не выехали на луг, где паслись лошади спутников Гавейна, и там отдыхали многие лорды, облокотясь о лежащие щиты, и слышались смех и шутки и громкие речи. Но лишь только завидел сэр Вичард сэра Гавейна и его жестокие раны, побежал он ему навстречу, плача и ломая руки.

Сэр Гавейн поведал ему, как он бился с тем могучим рыцарем.

— И потому не сокрушайтесь, любезный сэр, хотя мой щит разбит в щепы и плечо рассечено, однако и этот рыцарь сэр Приам получил немало жестоких ран. У него, как он говорит, есть снадобья, которые могут исцелить нас обоих. Но тут поблизости творятся новые дела, о которых вы не подозреваете, и к полудню, думается мне, все мы испытаем их на себе.

Потом сэр Приам и сэр Гавейн сошли с коней и пустили их пастись на зеленый луг. И велели они распустить себе завязки шлемов и отбросили свои широкие щиты. Тут снова хлынула у обоих кровь так обильно, что все только диву дались, как они могли сидеть в седле и стоять на ногах. — А теперь, — промолвил сэр Приам, — принесите мне фиал, что висит на поясе у моего слуги, ибо в нем налита вода четырех рек, что текут из Рая¹⁴, цвет и плод обмана, который всем нам суждено вкусить. Приложите той воды к нашему телу в тех местах, где имеются раны, и через четыре часа мы будем исцелены.

И промыли им раны холодным белым вином и смазали несколько раз целебным бальзамом, и по прошествии часа не было на божьем свете людей целее и невредимее, чем они.

И вот когда они были обмыты и исцелены, открыли бочки и принесли им вина, и хлеб, и мясо, и дичь в изобилии. Когда же поели, то затрубили в трубы, сзывая всех на совет. И говорил сэр Гавейн:

— К оружию, лорды!

Когда же все вооружились и собрались, сэр Гавейн поведал им обо всем.

— А теперь, вы, сэр Приам, расскажите нам, для какой причины собрались те превосходные рыцари.

— Сэры, — отвечал сэр Приам, — они дали клятву выволить меня или же на этом самом месте всем лечь костями. Вот какая у них единственная цель, с тех пор как я против их воли ускакал от них, дабы одному поискать приключений.

— Коли так, други, — сказал сэр Гавейн, — соберитесь с духом, ведь если мы отступим без добычи, это весьма опечалит нашего короля. А сэр Флоренс во время предстоящего сражения останется здесь и не сдвинется с этого места, как благородный рыцарь, ведь король его избрал и поста-

вил предводителем нашего отряда и головою над всеми нами. И будет ли он сражаться или обратится в бегство, мы последуем за ним, и что до меня, то я никогда не уклонюсь от сражения с теми рыцарями.

— Ах, отец! — сказал Флоренс, — слишком лестны ваши речи, ведь я не более как дитя в сравнении с испытанными бойцами. И если я где примахнусь, то не по своей вине, а по вашей. А потому не роняйте своей чести. Мое разумение слишком просто, вы же нам всем голова, поступайте же так, как сочтете разумнейшим.

— Любезные лорды, — сказал сэр Приам, — оставьте ваши речи, говорю вам, не то будет поздно. Вон в том лесу затаилось много могучих рыцарей. Они выпустят скот, чтобы заманить вас, а вас-то всего не более семи сотен рыцарей, и этого слишком мало для битвы с такой многочисленной ратью, ведь от подлого и простого люда нам будет мало проку — они поспешат попрятаться в кусты, несмотря на все свои храбрые речи.

— Верно сказано, да поможет мне бог! — молвил сэр Гавейн. — А теперь, любезный сын, — сказал сэр Гавейн сэру Флоренсу, — возьмите с собою лучших испытанных бойцов числом в сотню и поспешите на врага, дабы выказать свою доблесть и отбить у них добычу.

— Со всей моей охотой, — отвечал Флоренс.

КАК САРАЦИНЫ ВЫСКОЧИЛИ ИЗ ЛЕСА, ЧТОБЫ ОТБИТЬ СВОЙ СКОТ, И О ВЕЛИКОМ СРАЖЕНИИ И позвал сэр Флоренс сэра Флоридаса с сотней рыцарей, и пустились они в путь быстрой рысью, угоня перед собою стадо. И сразу же бросилась за Флоренсом погоня — добрых семь сотен рыцарей, а впереди на лихом скакуне сэр Феронт Испанский, в Фармагосе воспитанный, от нечистого рожденный.

Подлетает он к сэру Флоренсу и спрашивает: — Куда это ты так торопишься, недостойный рыцарь?

Тут разъярился сэр Флоренс, упер покрепче свое копые и пустился вскачь тому навстречу, нимало не промедлив, и прямо в лоб его поражает, так что у того и шея надвое переломилась.

Тогда заплакал прегорестно кузен сэра Феронта и воскликнул так:

— Ты убил рыцаря и помазанного короля, который до сего дня не встречал человека, способного выдержать его удар. И за это ты сейчас умрешь, ни один из вас не останется в живых!

— Тыфу на тебя, жалкий еретик, — говорит Флоридас.

И бросается на него с мечом в руке и разрубает ему бок, так что все его грязные языческие внутренности вывалились на землю.

Тут скачет еще один рыцарь, желая спасти этого барона, — рожденный на Родосе и от Христа отпавший. Он врывается в гущу боя и устремляется за своей добычей. Но Ричард, рыцарь Круглого Стола, на буланом коне выехал против него и пробил ему щит и поразил в самое сердце.

И тогда тот страшным голосом зарычал, но с земли уже не поднялся никогда.

После того устремились на сэра Флоренса и его сотню рыцарей все его товарищи числом в пять сотен. Уперли сэр Флоренс и сэр Флоридас свои копья и с первого наскока сокрушили наземь пятерых в переднем ряду, но и они наседали свирепо на наших и раскраивали панцири и шлемы и многих валяли наземь.

Когда увидел сэр Приам, превосходный рыцарь, какая пошла там потеха, он пришел к сэру Гавейну и сказал ему такие слова:

— Твои лучшие люди терпят горькую беду и поражение, ибо их пересиливают сарацины, которых более пяти сотен. Позволь же мне, во имя твоего бога, отправиться покуда не поздно с небольшим отрядом им на помощь.

— Сэр, не сокрушайтесь напрасно,— сказал сэр Гавейн,— ибо они все равно выиграют, ведь они получают богатые дары от моего короля. Потому пусть они сражаются, ярые рыцари, покуда есть силы, ибо многие из них за последние пять лет не могли нарубиться всласть. И потому я не сдвину с этого места ни на пол-шага моего коня, если только не увижу, что им приходится еще гораздо хуже, чем сейчас.

Но в это время видит сэр Гавейн: на опушку леса выехало бешеным галопом множество рыцарей в пестрых доспехах — это появился граф Этельвольд, и по обе стороны от него многотысячное войско, а следом герцог Голландский и рыцари Приама. И тогда Гавейн, добрый рыцарь, крикнул рыцарям своим:

— Не страшитесь, мужи добрые, этого грозного зрелища, не пугайтесь этих ребят в цветных одеждах, ибо, если станем мы биться всерьез, за нами будет победа!

Натянули они удила и пустились вскачь, и, проскакав до края луга, немало славных рыцарей успели повергнуть на скаку. Не было на свете потехи веселее! Вот доблестные рыцари Круглого Стола скачут в самую гущу сраженья, наставив крепкие копья, и многим от них досталось в тот раз, лишь самые доблестные рыцари остались на поле, а все, кто был слаб духом, обратились в бегство.

— Клянись богом,— сказал сэр Гавейн,— меня радует, что все эти парни разбежались, ведь их было слишком много. Теперь наших врагов в поле, наберное, на двадцать тысяч меньше, чем было вначале, и всей их похвальбе невелика цена.

Тут Джулиан Генуэзский, могучий великан, наставил копье против сэра Герарда, славного рыцаря из Уэльса. И поразил он уэльского рыцаря в самое сердце. Тогда наши рыцари снова напали на их ряды. И всякий раз падали многие сарацины, и саксонские владыки обрекались на вечное помазание.

К тому времени сэр Приам, благородный принц, на глазах у королей и лордов подъехал к своему флажку, поднял его в руке и поскакал вместе с королевской дружиной Круглого Стола. В тот же миг выехала из леса вся его свита и последовала за ним, точно овечье стадо, прямо на поле боя они устремились и окружили своего короля и господина.

А герцогу послали они сказать такие слова:

— Сэр, мы семь лет служили тебе солдатами, но теперь переходим от тебя к нашему господину королю Артуру, ведь мы вправе отъехать, когда захотим, ибо мы не получали от тебя ни золота, ни подкреплений.

— Тьфу на вас, и дьявол забери ваши кости! Ибо таких солдат я ставлю ни во что!

Вот направляет герцог своих голландцев прямо на сэра Гавейна и сэра Приама. Эти двое сжали в руках копья и навстречу ему поскакали со всей благородной мощью. Сшибся сэр Приам с маркизом Метцким и пробил ему грудь насквозь.

Тут Честелейн, отрок Артурова дома и воспитанник сэра Гавейна с Западных окраин, пустился в погоню за сэром Челдраком, благородным вождем, и пробил копьем ему грудь — так выпала отроку превратная военная удача одержать верх в той стычке. Но тотчас же бросились за отроком в погоню, и не было ему спасения, один из преследователей перерубил ему шею. Когда увидел это сэр Гавейн, заплакал он от всего сердца и в душе загорелся горем.

И еще Готелак, добрый воин, от печали по Честелейну весь преобразился, и текучая влага сбежала по его щекам. Вот развернулся сэр Гавейн и скачет прямо на герцога, а герцог сэр Дольфин летит во весь опор ему навстречу. Но сэр Гавейн наставил свое тяжелое копье, так что точеное острие пронзило его до самого сердца. Но он все же выдернул копье и устремился на другого — на сэра Гардольфа, могучего бойца, и ловко достал его копьем, и вот уж и тот валится наземь. А всего он убил на том поле своими руками более шестидесяти рыцарей.

Вот заметил сэр Гавейн того, кто убил его воспитанника Честелейна, выхватил он меч свой, не медля, и пронзил его насквозь.

— Ведь если бы ушел ты без наказания, позор был бы нам всем!

После того вновь устремился сэр Гавейн на поле битвы и, срывая на скаку шлемы, проехал его из конца в конец, а сэр Приам скакал с ним бок о бок, указывая ему дорогу. И многих языческих рыцарей порубили, пошвыряли они наземь, а сэр Флоренс скакал от него по другую руку и тоже делал что мог.

И были захвачены нашими рыцарями лорды Лотарингии и Ломбардии и отведены прочь. Ибо столь великая военная удача сопутствовала нашим лордам, что они повсеместно одерживали верх.

Когда сэр Флоренс и сэр Гавейн одержали полную победу, они выслали вперед сто рыцарей и с ними свою добычу и пленников. А сэр Гавейн на узкой дороге стоял охраной до тех пор, покуда не прогнали весь скот, — так опасался он нападения. Затем поехали они дальше и вскоре увидели большой город, который был осажден и в тот же день пал.

Там сэр Флоренс и сэр Гавейн расположили своих рыцарей, а потом явились в шатер и поведали королю все, как было в тот день, и какое им выпало приключение и как отличились все его доблестные воины.

— И многие твои враги расстались с жизнью, и много именитых пленников сдалось в наши руки. Но Честелейн, твой отрок, лишился головы, однако он успел своими руками зарубить грозного рыцаря.

КАК СЭР ГАВЕЙН ВОЗВРАТИЛСЯ К КОРОЛЮ АРТУРУ СО СВОИМИ ПЛЕННИКАМИ И КАК КОРОЛЬ ВЗЯЛ ГОРОД И БЫЛ КОРОНОВАН ИМПЕРАТОРОМ — Благодаренье богу,— сказал благородный король.— Но я весьма дялюсь на этого могучего рыцаря, что стоит подле тебя, он кажется мне чужеземцем, однако и на пленника не походит.

— Сэр,— отвечал сэр Гавейн,— это доблестный воин, нынче утром мне солоно пришлось в поединке с ним,

и если б он не оказал мне помощь, нашел бы я смерть мою. Но потом он сдался богу и мне, мой король, дабы сделаться христианином и уверовать в добро. Когда же он получит крещение и истинную веру, не будет на свете рыцаря благороднее и доблестнее, нежели он.

Тут король поспешил окрестить его и нарек его Приамом, как он и звался раньше, и своей рукой произвел его в герцоги и посвятил в рыцари Круглого Стола.

И вот велел король трубить к приступу, и стали поднимать лестницы и крушить стены. Бедствия жителей было прегорестно видеть. И тогда герцогиня облачилась со своими дамами в богатые одежды, и графиня Кларисина со своими чистыми девами, и опустились они на колени в своих пышных платьях прямо на землю перед королем и молили его о спасении во имя господя:

— Молви нам доброе слово и отведи назад своих людей, прежде чем город падет под приступом, ибо тогда погибнут многие, ничем перед тобой не повинные.

Король поднял забрало и с любезным видом встал с нею рядом кротко на колени и сказал ей такие ласковые слова:

— Никто из моих людей не причинит вам урона, госпожа, ибо я жалею вам грамоты и вашим дамам, и вашим детям, и всем вашим приближенным. Но ваш супруг герцог — наш пленник. Вы же получите содержание, достойное вашего положения.

И посылает Артур в обе стороны лордов с повелением прекратить приступ, ибо город им сдался. Тут явился старший герцогский сын с ключами от города, он опустился перед королем на колени и просил королевской милости. И с согласия лордов прекратили приступ, герцога же отправили в Дувр под охраной надежных рыцарей короля, дабы там содержать его в плену и печали до конца дней. А король в короне на голове явился в город и замок, и капитаны и коннетабли признали его своим властелином, и он в присутствии многих лордов назначил доход для герцогини и ее детей. И поставил он правителей управлять теми землями.

Так стал он независимым владыкой Лотарингии и Ломбардии и устанавливал там порядки и законы по своему усмотрению. Он ходил в Ламмас и в Люцерну и стоял на отдыхе, сколько ему хотелось. А потом двинулся через горы и, совершая многие чудеса, одолел Готард, который потом был завоеван Гаретом. И, с высоты глядя в Ломбардию, так сказал он громким голосом:

— В этой любезной моему сердцу земле буду я жить.

А сэр Флоренс и сэр Флоридас с пятьюстами рыцарями отправились в тот же день к городу Урбину. Они прошли прямым путем прямо к городским воротам и залегли засадой. Вот выехали из города несколько сотен всадников и завязали стычку с нашим передовым отрядом. Тут выскочили остальные из засады и захватили мост, и ворвались в предместья с развевающимися знаменами. И великие толпы предались бегству из страха перед сэром Флоренсом и его ярыми рыцарями. Тогда подняли они, не тратя времени, флаг над городскими воротами, и радости и ликованию их не было предела.

А король выехал на вершину холма, смотрит на городские стены и говорит: — Вижу я по этому флагу, что город уже наш.

И тогда повелел он издать клич по всему своему войску, чтобы под страхом смерти и увечья и потери всего достояния ни один из его войска не учинял насилия ни над девицей, ни над дамой, ни над мещанской женой. И вот завоеватель вошел в город и проследовал в замок, и он оказывал многим людям помощь и утешение рыцарскими речами, и поставил капитаном рыцаря из своей страны, и общины изъявили на то согласие.

Когда узнали владыки Милана, что этот город взят, они отправили королю Артуру великое количество серебра, шестьдесят нагруженных лошадей и просили его сжалиться над народом, а они обещают всегда быть ему верными подданными, служить ему безотказно и платить дань за все их земли — Плезанс и Павию, Петерсонту и Порт-Трембило¹⁵, — всего от Милана вносить каждый год миллион золотом и почитать Артура господином до самой его смерти. Тогда король, посоветавшись с баронами, послал им охранные грамоты, дабы они прибыли к нему с поклонением.

Потом, когда приспело время, направился он в Тоскану и здесь захватывает города и высокие замки и все опустошает на своем боевом пути. Оттуда поспешает он в Сполуту со своими скорыми рыцарями и в Витербе, где набирает провиант, и в долину Вискаунта, где хочет стать на отдых среди богатых виноградников. Там он пребывает, могучий властелин, радуясь сердцем, в ожидании, пока сенаторы прийдут к нему молить о милости. И вот в субботу явились к королю Артуру все сенаторы, которые еще оставались в живых, и хитроумнейшие из кардиналов, живших при дворе, и просили его о мире и предлагали большие богатства. И испрашивали они у него как у высшего под Богом владыки шесть недель сроку, чтобы им успеть всем собраться и в городе Риме, который зовется Сион, короновать его со всей пышностью — со скипетром, и миропомазанием, и положением рук, как надлежит императору.

— Я согласен,— сказал король,— пусть будет, как вы задумали, на Рождество я даю согласие короноваться, дабы отныне править на императорском престоле и здесь содержать мой Круглый Стол на римскую дань по моему усмотрению. А затем, как мне советуют, я намерен переехать через соленое море с моими добрыми рыцарями и отмстить за смерть того, кто умер за нас на кресте.

Получив его ответ, сенаторы возвратились в Рим и занялись приготовлением к торжественной коронации. И вот в назначенный день, как повествуют

романы¹⁶, сам папа своею рукою со всей подобающей торжественностью короновал его императором, дабы править ему вечно. И пребывали они там до времени, и распределили все земли от Рима до Франции, наделив владениями и доходами тех рыцарей, которые это заслужили.

Сэру Ланселоту и сэру Борсу он повелел взять земли их отцов короля Бана и короля Борса и их праотцов.

— Да смотрите, возьмите под свою власть и заботу все эти обширные земли, и пусть подданные ваши признают вас своими милостивыми господами, и не допускайте, чтобы подрывали вашу власть и ваше величие. И владения короля Клаудаса я тоже отдаю вам, дабы вы разделили их между собою, чтобы вы могли кормить всех своих родичей, благородных рыцарей, достойных вместе с вами состоять в дружине Круглого Стола. Сэр Ланселот и Борс Ганский любезно благодарили короля и сказали, что сердца их и верная служба навечно принадлежат ему.

— А где же ты, Приам? Тебе еще не назначена награда. Я жалею тебя герцогом Лотаринским на вечные времена и всех твоих наследников после тебя. Когда же мы возвратимся в Англию, будет тебе четырежды в году выдаваться по пятьдесят тысяч на корм коням, дабы тебе содержать твоих слуг. Оставайся только с нами, и все это будет твоим.

Рыцарь любезно короля благодарит и отвечает ему так:

— Покуда я жив, моя служба принадлежит вам.

Так роздал король многие земли. Ни один не остался без награды, кто бы к нему ни обращался, ибо богатств и сокровищ было у них в досталь. Потом рыцари и лорды короля созвали ясным утром совет и сказали так:

— Сэр король, мы просим, выслушай нас. Под твоею властью мы весьма обогатились, благодаренье богу, а ведь у всех у нас есть венчанные жены. И мы просим вашего изволения отпустить нас для забавы с нашими женами, ибо этот поход, слава Христу, с честью завершен.

— Хорошо сказано, — отвечал король, — добрая мера лучше доброго пира. Ибо я полагаю неразумным добиваться у господ чересчур многого. И потому готовьтесь, мы возвращаемся в Англию.

Стали тут укладывать поклажу в богатые возы. Король простился со святым отцом папой, с патриархами и кардиналами, с богатыми сенаторами, он оставил надежных правителей в этом великом городе и всех римских землях, дабы смотрели, чтобы под страхом смерти ни одно его повеление не было нарушено, и отправился обратно через разные страны и земли. Переправился король Артур через море в Сандунчский порт. Королева Гвиневра, узнавши о его возвращении, выехала в Лондон встретить его, и так же поступили все остальные королевы и благородные дамы. И не было встречи торжественнее ни в одном городе, ибо они привезли с собою всяких богатств без числа.

Здесь кончается повесть о благородном короле Артуре, который сам стал императором через доблесть своих рук. И далее следует много благородных повестей о сэре Ланселоте Озерном.

Explicit благородная повесть о короле Артуре и Луции, императоре Римском.